

Сегодня мне рассказали о том, как вечером после работы, посидев с приятелями, клоун Мусля остался ночевать в цирке. Он забрал на конюшню, открыл клетку, где сидел згаменитый лев Эдера Цезарь, и зашел в нее. Утром перепуганные служащие обнаружили спящего Муслю рядом с Цезарем. Прибежал на конюшню сам Эдер.

— Подымись спокойно, — шептал дрессировщик проснувшемуся клоуну, — без резких движений, спокойно выходи.

Мусля так и сделал, как ни в чем не бывало вышел из клетки.

(Из тетрадки в клеточку. Июль 1951 года).

Странные судьбы бывают у артистов цирка. Мало в каких книгах, рассказывающих о цирке, об искусстве клоунады, упоминается клоун Сергеев. Но кого из старых, опытных артистов ни спросите о нем, тут же воскликнут:

— А-а-а!.. Сергеев. Мусля! Это — гений. Таких больше нет.

Помню, еще в студии клоунады кто-то из нас спросил у Буше:

— Александр Борисович, а кто, на ваш взгляд, самый лучший коверный?

— Ну, Карапаша я не беру, — ответил после некоторого раздумья Буше, — он не в счет. А вот Серго — это да!

Во время учебы мы слышали много знаменных фамилий: Альперов, Антонов и Бартенев, Коко, братья Лавровы, Демаш и Мозель, Эйжен. А вот о Серго — впервые.

— Если увидите Серго в работе, — добавил Буше, — поймете, что он великий коверник.

Буше мы верили. Уж кто-то, а он знал цирк.

И действительно, когда в Калинине я увидел клоуна Алексея Сергеева, по афише — Серго, я убедился: Буше был прав.

Почему все в цирке звали его Мусля? Долго я не мог допытаться.

А потом кто-то из старых артистов объяснил мне:

— Да все очень просто. Серго обращался ко всем по-французски, только говорил не мусью, а муслю.

И верно, он и ко мне подходил в цирке и говорил:

— Слушай, муслюшка, каким номером идет?

До сих пор клоун Серго стоит перед моими глазами — тихий, незаметный человек, удивительно скромный.

Небольшого роста, коренастый, рыжеватые, чуть выбывшие из-под кепки вьющиеся волосы, добрые голубые глаза. Красивый, но красотой негромкой, чисто русской. Выглядел чуть старше своих тридцати пяти лет.

В быту Мусля говорил отрывисто, высоким голосом, и иногда с трудом можно было разобрать, что он хочет сказать. А на манеже обходился почти без текста.

На манеж он выходил в сдвинутой немного на затылок обыкновенной зеленой фетровой шляпе, в потрепанном темно-зеленом пиджаке, в широких коричневых штанах на лямках, в слегка утрированных ботинках с загнутыми вверх носами. Подкрашенные брови, чуть подмазанные губы, как он говорил, для свежести — вот и весь грим. За одежду своей он не следил. Добрые костюмерши входили в его никогда не закрывающуюся гардеробную и сами забирали рубашки в стирку.

Основное в его работе — обыгрывание простых предметов. Метла, стул, грабли, тросточка, тачка, на которой увозят ковер. Иногда он использовал реквизит, с которым только что на манеже работали артисты. Отличный акробат. Прекрасно стоял на руках, делал поразительные каскады. Самое удивительное: что бы клоун ни показывал, все выглядело на манеже смешно и одновременно трогательно. Люди смеялись, а сердце могло скожаться от грусти.

У Мусли, как говорится, все от бога. Он мог выйти на манеж, взять первый попавшийся предмет — мяч, стул, метлу, булаву — и так все начать обыгрывать, что захвачивал до колик. Он обладал великим даром импровизатора. Сохранив способность воспринимать все, как ребенок, он умел по-настоящему радоваться на манеже и заражал этой радостью других.

У Мусли получался образ — думаю, это выходило у него подсознательно — неудачника, который за все берется, но ничего у него не получается. Образ неожиданный, напоминающий маску Чарли Чаплина.

Только Мусля мог исполнять, казалось бы, пустяковую, примитивную репризу, которую он нежно называл «Пальчик».

Мусля выводил за руку на середину манежа инспектора и, отойдя от него на

«Леди, 1976 27 сив, №39

ГЛАВНЫЙ

Юрий НИКУЛИН,
народный артист СССР

Рисунок
А. Соколова

несколько шагов, вытягивая вперед руку, указательным пальцем манил инспектора к себе. Тот подходил вплотную к клоуну, а палец продолжал двигаться. Инспектор некоторое время стоял, глядя на этот двигающийся палец, а потом как бы в раздражении ударял клоуна по руке. Но палец продолжал его манил к себе. Тут же пугался сам Мусля.

Он прятал руку в карман, становился на палец ногой, а палец все равно продолжал двигаться. Наконец Мусля клал неукротимый палец на барьера и бил по нему молотком. От боли клоун подпрыгивал и быстро клал палец в рот. Палец двигался во рту, отчего щеки у Мусли смешно тряслись. Когда палец извлекался из рта, кто-то из униформистов подавал клоуну пилю-пожовку. Мусля подносил ножовку к пальцу, и вдруг палец, как бы испугавшись, замер. Облегченно вздохнув, сияющий клоун уходил с манежа, и вдруг около самого выхода па-

вовалось, что клоун еще не знает, как и чем зайдет паузу. Другой бы растерялся, заметался по манежу, смущался, а Мусля нет. Ему все нипочем. Он оглядывал манеж и замечал — чистая импровизация, — что запутался трос у униформистов. Тогда он стремглав бежал помогать распутывать трос, но делал это так, что трос запутался окончательно. Униформисты ругали его (по настоящему, между прочим), а публика смеялась. Когда же трос все-таки распутывался и униформисты уходили с манежа, Мусля, улыбаясь всем, под аплодисменты, удивленный, словно не понимая, почему аплодируют, покидал арену.

Отлично проходила у клоуна реприза со шляпой. Будто бы за что-то обидевшись на инспектора, Мусля, скважив кулаки, грозно наступал на него, сердясь, снимал с себя пиджак и кидал его на манеж. А потом срывал с головы шляпу и бросал ее на ковер.

лес снова ожидал, Мусля с отчаянным криком, отбросив ножовку, убегал за кулисы.

Пустяк, примитив — двигается палец, а клоун пугается. Но как делал это Мусля! Я каждый раз смотрел «Пальчик», смеялся вместе со зрителями и верил, что палец Мусли сошел с ума.

Некоторые коверные пытались скопировать эту репризу. Ничего у них не получалось. Это было органично только для Мусли, маленького, лохматого, наивного, смешного, странного человечка.

К сожалению, я застал Муслю, когда он ходил с манежа. Но и то, что я видел, поражало, что каждый раз я, как почти и все артисты, занятые в программе Калининского цирка, отработав свой номер, спешил в боковой проход посмотреть его репризы.

Когда ему кричали: «Алеша, пауза!», он летел к своему ящику, стоящему за кулисами, буквально нырял в него (виделись одни торчащие ноги), после небольшого вращения вытаскивал первый попавшийся предмет — пистолет, бутафорскую гирю, ножик — и выбегал на манеж.

А иногда он просто выходил, смотрел чуть-чуть растерянно, улыбался — чувствовал манеж.

В тот момент, когда шляпа касалась ковра, ударник в оркестре бил в барабан. Услышав громкий звук, пораженный Мусля поднимал шляпу и снова бросал ее на ковер. Вновь раздавался удар в барабан. С удивлением и одновременно со страхом Мусля осторожно поднимал шляпу и принимал внимательно ее рассматривать. Раздавалась короткая барабанная дробь — шляпа, будто живое существо, трепыхалась в руках клоуна. Бросив ее, Мусля в ужасе убегал и прятался за барьера.

Через несколько секунд, чуть успокоившись, он подкрадывался к шляпе и осторожно дотрагивался до нее пальцем. Снова — короткий удар барабана. Испуганный Мусля, дрожа от страха, отбегал в сторону. Но любопытство брало свое. Накрывшись с головой пиджаком, он осторожно подползкал к шляпе. Просунув руку через рукав пиджака, поднимал ее. На лице отражалась внутренняя борьба — бросить шляпу еще раз или нет? Наконец он решался. Только замахивался рукой, а в оркестре раньше времени ударяли в барабан. И тут клоун понимал — его разыгрывают. Он успокаивался, грозил пальцем барабанщику и, спокойно надев шляпу, веселый, под аплодисменты публики покидал манеж.

А иногда он просто выходил, смотрел чуть-чуть растерянно, улыбался — чувствовал манеж.

Реприз у Мусли мало, да и реквизит небольшой. Лишь один упаковочный ящик стоял в гимнусной. В этом ящике все навалено — реквизит, костюмы, личные вещи. Но репертуар у Мусли разнообразный — каждый день он показывает какие-нибудь импровизации.

Очень мне нравилась в его исполнении реприза со стулом. Выходит Мусля с венским стулом и пытается сесть на него. А у стула отваливается ножка, и клоун падает. Мусля пытается починить стул. Вставляет одну ножку — отваливается другая, и так несколько раз подряд. Мусля реагирует на это с таким огорчением, с такой неподдельной детской серьезностью и так трогательно смотрит на сломанный стул, держа в руках ножки, что зал начинает хохотать. А Мусля все быстрее и быстрее пытается чинить стул. И все в убыстренном ритме, под нескончаемый хохот зала. Наконец стул починил. Клоун садится на него, а стул со взрывом разлетается на мелкие кусочки.

Мусля точно умел выбирать человека из публики, с которым разыгрывал целую пьесу. Он внимательно разглядывал зал, и вдруг его внимание привлекал какой-нибудь человек в первом ряду. Он подходил ближе, внимательно смотрел на него и будто бы о чем-то договаривался. Бывало, что выбранному человеку он симпатизировал и так на него долго смотрел, делал такие жесты, что все понимали: клоун нравится этот зритель или зрительница (зрительницы были чаще).

И каждый раз, выходя на ту или иную репризу, он начинал с того, что смотрел в сторону своего нового партнера из публики, с которым у него завязывались свои личные отношения, развивающиеся от репризы к репризе.

Много раз я видел репризу «Здесь курить нельзя». Реприза проверенная и, как мы говорим в цирке, проходная. Десятки коверных исполняют ее. Но лучше всех «Здесь курить нельзя» делал Мусля.

Содержание репризы несложное: коверный закуривает, а инспектор отбирает у него горящую папироску. Клоун достает другие горящие папироски — из кармана, шляпы, ботинка и даже у кого-нибудь из публики. Достает и курит. А инспектор снова отбирает.

Но как это делал Мусля! Как удивительно он передразнивал походку инспектора; как искренне обижался, что у него отбирают папироску; как мучительно думал, где же достать следующую; как радовался, когда находил выход из положения; как наслаждался, делая затяжку.

Многие репризы для себя Мусля придумывал самостоятельно. Некоторые коверные заимствовали у него репертуар и выдавали за свой. Когда Мусля узнавал об этом, он не обижался, не сердился. Он просто придумывал новое. А ведь придуманные репризы он мог отнести в Управление авторских прав, получить право на исполнение и, в случае если этот репертуар будут исполнять другие, получать за это гонорар. Нет, Мусля и не думал об этом. Он просто работал.

Странный клоун Мусля. Удивительный, непонятный, незаурядный человек, он может стать лучшим клоуном страны, а может, и мира. Но его словно не заботил собственный успех. А может быть, действительно не заботил?

Мусля всегда так строил репризы, что зрители не могли догадаться, как эта реприза пойдет, какой следующий шаг сделает клоун, что он собирается показать. Чем удивить Мусля всегда чуть-чуть «обманывал публику».

Так, например, он выходил со скрипкой и стулом, и публика, помня предыдущую репризу со стулом, который взрывался, ожидала, что и со скрипкой произойдет то же самое. А он на скрипке — просто играл. Играли прекрасно.

— Ты понимаешь, муслюшка, — говорил он мне как-то, — я не знаю. Не знаю! Но сыграть могу что хочешь. Зачем ноты? Нужно просто чувствовать душу музыки.

И бывало, к Мусле подходили артисты и просили поиграть. И он играл. С удовольствием. Играл печальные мелодии, играл веселые.

В связи с этим вспоминается несколько странный, но действительно произошедший с ним эпизод.

Мусля гастролировал в одном из городов Сибири. Первый раз в этот город на гастроли приехал знаменитый скрипач, лауреат союзных и международных конкурсов, музыкант с длинным перечнем имен и званий. И он поселился в гостинице. По воле случая номер скрипача оказался по соседству с тем, который занимал Мусля.

Утром знаменитый музыкант, трудолюбивый и точный человек, три часа играл на скрипке, репетируя новое сложное произведение. А вечером (концерт гастролера намечался через три дня), чтобы развеяться, решил пойти в цирк. Его как почетного гостя, конечно же, усадили в первом ряду.

Смотрят он на программу, вежливо applaudят после каждого номера, улыбаются аплодисментами и хохочут репризам Мусли. И вдруг...

На манеж на очередную репризу вышел Мусля со своей старенькой, разбитой скрипкой и исполнил три коротенькие музыкальные импровизации. Зрители слушали затяжные дыхания — он играл мастерски. Но самым удивительным для скрипача-гастролера оказалось то, что он услышал фрагменты произведения, ноты которого имели только два человека в стране — он сам и композитор, написавший это произведение специально для музыканта.

Скрипач кинулся тут же за кулисы к клоуну и спросил у него с удивлением:

— Где вы взяли эту вещь?

— А я сегодня утром, — ответил приступившо к Мусли, — в гостинице услышал. Кто-то рядом играл. Мне мотивчик понравился, я запомнил его.

— Это невероятно. Запомнить со слуха и сыграть эту вещь? Невероятно! Нет, я должен с вами поближе познакомиться. Я приглашаю вас вместе поужинать.

После представления в цирке знаменитый скрипач в модном костюмешел в ресторан с маленьким человечком, одетым скорее бедно, чем скромно.

Три дня после этого Мусля отсутствовал в цирке. Первый концерт скрипача в городе тоже пришлось отменить. Никто не мог найти ни клоуна, ни скрипача. Потом выяснилось, что они три дня играли друг другу на скрипке и никого не пускали к себе в номер, не отвечали на телефонные звонки. Когда играл Мусля — плакал скрипач, когда играл скрипач — плакал Мусля.

Слабовольный человек Мусля. Любил выпить. Это его просто губило. Работал в одной программе с ним посредственный клоун — музыкальный эксцентрик, плохой человек. Иногда выступал коверным. Придя в цирк и видя, что Мусля трезвый, он ставил ему стакан водки, после чего тот хмелел и не мог работать. Тогда Муслю заменил этот бездарный артист. К сожалению, Мусля не умел отказывать. Он считал, что предлагающему выпить нельзя отказать. Этим можно обидеть человека. В его судьбе, как мне кажется, есть что-то общее с судьбой артиста Петра Алейникова...

Добрый человек Мусля. Помню, он подарили нам с Мишней несколько трюков, открыл секрет, как из кармана вынуть горящую свечку. Научил нас, как доставать из рта бесчисленное количество яиц. Дал рецепт получения газа для надувания воздушных шаров, чтобы они летали.